

УДК 811.512.1

М. Д. Чертыкова

*Институт гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии
Хакасского государственного университета ФГБОУ ВПО им. Н.Ф.Катанова*

Выражение прямого объекта формой винительного падежа при глаголах психической деятельности в хакасском языке

Статья посвящена выявлению и описанию прямого объекта при глаголах психической деятельности (глаголах со значениями мышления, эмоции, говорения и восприятия) в хакасском языке. Объект при данных глаголах обозначается именем, оформленным или неоформленным винительным падежом в зависимости от определенности-неопределенности его выражения. Распространенной формой выражения прямого объекта является придаточное предложение, основная лексема которого принимает аффикс вин. п. Поскольку глаголы говорения, мышления и восприятия обозначают различные виды деятельности человека, управляемые ими объекты в форме вин. п. также имеют различные семантические характеристики. Автором выделены основные семантические типы имен, выступающих в роли объекта. При этом обозначены категории глаголов, управляющих определенными типами объекта в форме вин. п.

Ключевые слова: хакасский язык, глаголы говорения, ментальные глаголы, глаголы восприятия, объект в форме винительного падежа, сочетаемость, конструкция.

С дополнением в форме винительного падежа (далее – вин. п.) со значением прямого объекта сочетаются переходные глаголы различной семантики. К переходным относятся глаголы со значением действия, направленного на предмет (изменяющего или производящего этот предмет), например, глаголы созидания (*нүдiр-* ‘строить’, *одырт-* ‘сажать’, *өскiр-* ‘выращивать’, *налга-* ‘вязать’ и др.); глаголы разрушения (*оот-* ‘ломать’, *өдiр-* ‘убивать’, *тала-* ‘рвать’ и др.); глаголы изменения объекта (*алыстыр-* ‘переделать, изменять’, *хысхарат-* ‘укоротить’, *чаза-* ‘украшать’, *кискле-* ‘резать’ и др.); глаголы перемещения объекта (*чылдыр-* ‘двигать’, *тургыс-* ‘ставить’, *таста-* ‘бросать’ и др.) и т.д. Распространенность данной формы репрезентации объекта при глаголах различной семантики объясняется его синтаксической обязательностью при переходных глаголах, а также наличием у него и более маргинальных семантических функций детерминанта. Распространенной формой выражения прямого объекта является также придаточное предложение, в котором основной лексемой, принимающей на себя аффикс вин.п., является субстантивированное причастие: *Ол тогызында кадрларга киртинчең, че тогысты чүрек чалынынаң толдырарын кирексичең* (Хч, с. 26) ‘В работе он доверял кадрам, но требовал, чтоб в работе все выкладывались (букв. требовал выполнения работы с горящим сердцем)’.

Чертыкова Мария Дмитриевна – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Института гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии Хакасского государственного университета ФГБОУ ВПО им. Н. Ф. Катанова.

Контактная информация: пр. Ленина, 92. А/я 14, г. Абакан, 655017, Республика Хакасия, Российская Федерация, e-mail: chertikova@yandex.ru, тел.: +7(3902)223494.

Глаголы психической деятельности являются базовыми для любого языка и обладают национальным своеобразием семантики и употребления. В хакасском языке в поле психической деятельности человека мы включаем пять лексико-семантических групп (далее – ЛСГ): это ЛСГ глаголов говорения, эмоции, мышления, восприятия и поведения, объединенные общей категориально-лексической семьей «проявлять психические способности, присущие только человеку».

Существительное в форме вин. п. является также одним из способов экспликации объекта при глаголах психической деятельности, в частности, при глаголах говорения, мышления и восприятия.

В тюркских языках вопросам прямого объекта при переходных глаголах посвящено немало работ [Черемисина, Озонова, Тазранова, 2008; Черемисина, Соловар, 1991; Тыбыкова, 1985; Ондар, 2013 и др.]. В хакасском языке данная тема исследована в работе М. И. Боргоякова [1976]. При описании прямого объекта в тюркских языках всегда встает вопрос о его грамматическом оформлении, то есть о показателе вин. п. и нулевом варианте неопределенного падежа в зависимости от определенности-неопределенности выражаемого объекта. «... В той позиции, где выбор возможен, предпочтение винительного падежа связывают с определенностью объекта – с его известностью, индивидуальностью, выделенностью из среды. Форма неопределенного падежа чаще всего указывает либо на неиндивидуализированность объекта, либо же на его органическую включенность в данное действие (что тоже влечет за собой утрату индивидуальности): *суу экел* = ‘принести воды’, *өлөң чап* = ‘косить траву’. Но эти общие закономерности требуют серьезной и непредвзятой проверки и уточнения на материале каждого языка. Так, наши наблюдения показывают, что форма без аффикса винительного падежа предпочитается тем последовательнее, чем менее определенным, слабее очерченным, менее выделенным из среды и «слитым с действием» представляется сам объект, чем слабее его референтное значение противостоит денотативному» [Черемисина, Озонова, Тазранова, 2008, с. 124–125]. Собственные имена людей, неодушевленных предметов (географических объектов, книг, журналов и т.д.), личные местоимения, термины родства в роли объекта не только при глаголах психической деятельности, но и глаголах других ЛСГ всегда являются конкретными и определенными, поэтому нуждаются в оформлении аффиксом вин. п. «... Порядок оформления винительным и основным падежами прямого дополнения, выражаемого именами собственными, как и порядок оформления родительным и основным падежами притяжательного определения, выражаемого теми же именами, первоначально был связан с категорией одушевленности-неодушевленности, базирующейся на понятиях «лицо» – «нелицо», «класс лиц» – «класс нелиц (вещей)», а не с определенностью-неопределенностью, так как любое имя собственное уже есть что-то определенное и конкретизированное: категория определенности - неопределенности начинает играть важную роль в дальнейшем в связи с развитием письменного языка» [Боргояков, 1976, с. 60].

В хакасском языке существительное в вин.п. оформляется одним из вариантов аффиксов **-ны/-ні**, **-ты/-ті**, **-ы/-і** в зависимости от фонетических закономерностей его основы. Однако если существительное имеет аффикс принадлежности, то форма вин.п. преобразуется в **-н-**, как, например, в предложении: *Ол ачазын сагысха кирче* ‘Он вспоминает [своего] старшего брата’. К слову *ача* ‘старший брат’ присоединяются аффикс принадлежности **-зы** и аффикс вин. п. **-н**.

На примере конструкций с ментальными глаголами хакасского языка рассмотрим обозначение прямого объекта в винительном и неопределенном падежах. При ментальных глаголах существительное оформляется аффиксом вин.п. в случаях: а) если объект мысли является «личной принадлежностью» субъекта. Чаще это слова со значением родственных отношений. *Олган тузымны сагысха кирчем* ‘Вспоминаю [свое] детство’; б) если речь идет о конкретном явлении, предмете, то есть объект определенный и выделяется из множества себе подобных. Здесь нередко вин.п. объекта сочетается с элементами, указывающими на его определенность: *Ирткен фестивальларда кинектерниң узы пөзік паалалган* (Хч, с. 2) ‘На прошлых фестивалях высоко оценили (букв. ценилось) мастерство инвалидов’. *Ирткен часхыны сагысха кирчем* ‘Вспоминаю прошлое лето’. В таких случаях фразовое ударение падает на объект в вин.п. При сочетании имени с уточняющим определением к существительному прибавляется аффикс принадлежности: *Ол арада кемниң-де чітіг көрізін сизін салган* (Хч, 8) ‘В тот момент он заметил чей-то пронзительный взгляд’. М. И. Боргояков полагает, что усечение аффикса винительного падежа **-ны/-ні** до **-н-** при словах в форме принадлежности в хакасском языке связано с тем, что гласные аффикса принадлежности **-ы**, **-і** являются краткими (редуцированными) и узкими [Боргояков, 1976, с. 48]. Если объект в форме вин.п. неопределенный, то аффикс вин.п. отсутствует: *Ол килзөк, пістің хыс, Чачах, угаа көгліг, ойыннар сагын таапча* (Хч, 3) ‘Как только он придет, наша девушка Чачах становится очень веселой, придумывает игры’. *Көпті көрген кізі оолахха тузальг чөптер чоохтаан* (Птн, с. 53) ‘Много повидавший человек давал (букв. расска-

зывает) мальчику советы'. В таких контекстах неоформленный объект не уточняется, так как логический акцент делается на других позициях.

Относительно происхождения аффикса вин.п. в тюркских языках имеется немало работ. Многие авторы склоняются к тому, что родительный и винительный падежи генетически взаимосвязаны. В частности, В. А. Богородицкий усматривает связь аффикса винительного падежа с родительным: «... первичным является аффикс **-ы/-и**; в местоимениях 1-го и 2-го лица ед. ч. к этому окончанию путем морфологического переразложения отошло корневое **-н-** и, таким образом, получилось новое окончание **-ны/-ни**, затем переходящее и в именное склонение параллельно с таким же процессом в родительном падеже; в части юго-западной группы языков эти два окончания в именном склонении дифференцировались, так же, как и аналогичные окончания в родительном падеже, то есть **-ы/-и** стало применяться после согласного и **-ны/-ни** после гласного» [Богородицкий, 1953, с. 155].

В безобъектном употреблении переходный глагол обычно обозначает способность субъекта к совершению действия. Здесь в качестве примера рассмотрим реализацию ментальных глаголов в условиях безобъектности: *Кирі ічезі хыгыр полбинча, букваларны ла таньпича* (Птн, с. 82) '[Его] бабушка не умеет читать, знает только буквы'. В предложениях, где глагол реализует способность субъекта к процессу мышления и оформляется аффиксом настоящего времени, он может сочетаться с обстоятельствами образа действия, обозначающими постоянные свойства мышления.

Если в контекстах по одновалентной модели глагол оформляется аффиксом настоящего времени, то обычно в них передается вневременной постоянный процесс мышления, характеризующий способность лица к данному действию. *Мин пілчем – прай агырыглар кізінің хурсагынаң поладыр* (Хч, 7) 'Я знаю: все болезни человека начинаются с желудка'. Если ментальный глагол оформляется аффиксом будущего или прошедшего времени, то процесс мышления соотносится с определенным отрезком времени. *Ўгретчі тетрадьтарны ширде сыныхтир* 'Учитель будет проверять тетради вечером'. В том и другом случае ментальный глагол может иметь в своем окружении факультативные актанты. В предложениях с ментальными глаголами, которые обозначают процесс мышления, протекающий в определенный момент времени, участвуют факультативные позиции обстоятельства времени или образа действия. Они передают длительность или интенсивность процесса, а также эмоциональное состояние лица. Если же в предложении акцент делается на обозначенный соответствующими лексическими средствами характер действия, то объект может выпадать: *Полган на пис чыл пазынаң тогасчатханда, удур-төдір чахсы пілісметтірлер* (Хч, 3) 'Поскольку они встречаются каждые пять лет, они хорошо понимают друг друга'.

Объект в вин. п. в конструкциях с ментальными глаголами

Ментальные глаголы называют также глаголами мыслительной (интеллектуальной) деятельности. В лексико-семантическую группу (далее – ЛСГ) глаголов интеллектуальной деятельности мы включаем глаголы, а также аналитические конструкции, обозначающие процесс или состояние мыслительной деятельности во всех его проявлениях и содержащие в своих значениях общую лексико-категориальную сему «думать» или «знать».

При ментальных глаголах объект в форме вин. п. обозначает содержание мысли, конкретный предмет, явления окружающей действительности. В конструкциях, формируемых ментальными глаголами, употребление объекта мысли в вин. п. обозначает явное обладание субъекта объектом, то есть субъект является автором, производителем объекта мысли. По мнению А. А. Кокляновой, субъект переходного глагола не только направляет (или распространяет) свое действие на объект, но он словно подчиняет его себе в этом действии, является единственной активно действующей величиной, которая владеет данным объектом в своем действии, им оперирует [Коклянова, 1963, с. 45]. Однако при полном обладании объектом – мыслями, субъект не может контролировать их протекание, отсюда мысли не всегда могут быть приятными и желанными. «Субъект – экспериенцер, в отличие от субъекта – агенса, пассивен и не контролирует протекание действия. Однако следует заметить, что субъект – экспериенцер ментальных действий более активен, чем субъект психических действий. Объект не претерпевает никаких изменений, в то время как в акциональной модели объект подвергается прямому и опосредованному воздействию со стороны агенса» [Черемисина, Озонова, Тазранова 2008, с. 142].

Исходя из анализа материала, в хакасском языке мы выделили шесть семантических групп имен, потенциально замещающих позицию объекта в вин. п. в конструкциях с ментальными глаголами:

1) имена существительные, выражающие имя действия и какую-либо деятельность человека. Данной категорией имен управляют глаголы *піл-* 'знать' и его производные *піл пол-* 'понимать' (чаще в

отрицательной форме) и *пiлiп ал-* ‘понимать, осознавать’, *пiлiн-* ‘сознавать’, *оңна-* ‘понимать’, *пiл-* в ЛСВ ‘понимать’, *ух-* диал. в ЛСВ ‘понимать’, *сизiн-* ‘замечать’, *сыныхта-* ‘проверять, контролировать’, *сына-* ‘проверять, испытывать’; глагольные средства, обозначающие операции памяти: *сагын-* в ЛСВ ‘вспоминать, помнить’, *сагын сал-* ‘запомнить’, *сагын чөр-* ‘помнить’, *сагыста тут-* ‘букв. держать в мыслях; помнить’, *оңна-* в ЛСВ ‘помнить’, *сагын кил-* ‘вспомнить’, *сагысха кир-* ‘вспоминать’, *унду-* ‘забывать’. Примеры: *Олар полган на семьяның чуртазын магат пiлчелер* (Ит, с. 9) ‘Они знают жизнь каждой семьи’. *Пуүрнiң кöйтiк хылиин мин андада ла оңнаам* (Кх, с. 48) ‘Я только тогда понял хитрые повадки волка’. *Устагчыларның тогызын полган на пис чыл пазынаң сыныхтапчалар* ‘Работу руководителей проверяют через каждые пять лет’. *Халганчы тогазыгларны сагысха кирiп, нулар көрбеең чаадаңар көбөк чоохтаан* (Кх, с. 12) ‘Вспоминая последние встречи, [он] много рассказывал о войне, которую [они] не видели’. Глагол *сагын-* лишь в ЛСВ ‘вспоминать’ управляет объектом в форме вин. п.: *Ичечеемни сагынчам, истенминчем ол чохта* (Птн, с. 38) ‘Вспоминаю свою мамочку, мне плохо без нее’;

2) имена существительные со значением определенной формы высказывания. Ими управляют глаголы: *пiл-* ‘знать’, *оңна-* ‘понимать, чаще в отриц. форме’, *оңар-* ‘понимать, осознавать’, *пiл-* в ЛСВ ‘понимать’, *ух-* диал. в ЛСВ ‘понимать’, *пiл пол-* ‘понимать’, *пiлiп ал-* ‘понимать’, *сизiн-* в ЛСВ ‘замечать’ и ‘вникать’, *сагын-* в ЛСВ ‘вспоминать’, *сагын сал-* ‘запомнить’, *сагын тап-* ‘отгадывать, загадывать’, *сагын чөр-* ‘помнить’, *сагыста тут-* ‘букв.: держать в мыслях; помнить’, *оңна-* в ЛСВ ‘помнить’, *сагын кил-* ‘вспомнить’, *сагысха кир-* ‘вспоминать’, *унду-* ‘забыть’. Например: *Хакас палачахтарның көбiзi пос тiлiн пiлбинче* (Хч, с. 163) ‘Многие из хакасских детей не знают своего родного языка; *Уучамның сөстөрiн ам на, улуглан парганда, оңарып пастапчам* ‘Только сейчас, в зрелом возрасте, [я] начинаю понимать слова [моей] бабушки’. *Син, оолах, пабаңның чоогын сизiнiп одыр, соонаң туза полар* ‘Ты, мальчик, вникай в слова отца, потом пригодится’. *Ичемнiң чоогын сагысха кирiп, iкi хараамнаң час ахча* (Птн, с. 65) ‘Плачу, вспоминая слова матери’. *Пу сөспектi сагын таап поларзың ма?* ‘Отгадаешь ли эту загадку?’ (Из разговорной речи);

3) имена с семантикой одушевленного объекта (*человек, конкретное имя, животные*). Ими управляют следующие глаголы: *пiл-* ‘знать’ и его производные *пiл пол-* ‘понимать’ и *пiлiп ал-* ‘понимать’; *сагын-* в ЛСВ ‘думать’, ‘вспоминать’, *сыныхта-* ‘проверять, контролировать’; глагольные средства, обозначающие операции памяти: *сагын* в ЛСВ ‘вспоминать’, *сагын сал-* ‘запомнить’, *сагын чөр-* ‘помнить’, *сагыста тут-* ‘букв.: держать в мыслях; помнить’; *оңна-* в ЛСВ ‘помнить’, *сагын кил-* ‘вспомнить’, *сагысха кир-* ‘вспоминать’, *унду-* ‘забыть’. Примеры: *Т. А. Кидиекова поэзының тогысчыларын прай пiлче* (Хч, с. 8) ‘Т. А. Кидиекова всех своих работников знает’. *Пот, пiлiп ал пу ипчiлернi* ‘Вот, пойми этих женщин!’. *Оолагас аалдагы аргыстарын сагынча* ‘Мальчик вспоминает деревенских друзей; *Олар күннiң сай пiстi сыныхтапчалар* (Хч, с. 6) ‘Они каждый день проверяют нас’. *Минзер үгренчi агызалар, хачан даа тогырланминчам. Поzymны сагысха кирчем. Алчаас иттин, хайди үгренiп аларзың* (Хч, с. 69) ‘Если ко мне приводят ученика, я никогда не отказываюсь. Вспоминаю себя. Невозможно учиться, не делая ошибок’;

4) имена, обозначающие предметы интеллектуального пользования. Ими управляют глаголы *сыныхта-* ‘проверять, контролировать’, *сына-* ‘проверять, испытывать’, *хыгыр-* ‘читать’, *пас-* ‘писать’, *хобыр-* ‘переписывать, копировать’, *сиг-* ‘чертить’, *хооста-* ‘рисовать’, *сана-* ‘считать’. Примеры: *Сынында ниме анда полганын чохсы пiлiп алар үчүн, ол пiчiктi хатап сыныхтирга кирек* (Кх, с. 28) ‘Это письмо надо еще раз проверить, чтоб понять, что там произошло на самом деле’. *Самуил Маршактың «Вот какой рассеянный» кибелiзiн олганнар хынып үгренчелер* (Сс, с. 34) ‘Дети с удовольствием учат стихотворение Самуила Маршака «Вот какой рассеянный»’; *Сала ла маң ползох, хыс книгадаң кибелiстернi хобыра пасча* (Аух, с. 63) ‘Как только появится хоть немного свободного времени, девушка переписывает стихи из книги’;

5) имена, выражающие состояние живых существ (психологическое, физиологическое). Данной формой объекта управляют глаголы: *пiл-* ‘знать’, *пiлiп ал-* ‘понимать, осознать’, *оңар-* ‘понимать’: *Ол кiзi агырыгларын хачан даа пiл полбас* (Из разговорной речи) ‘Он никогда не поймет людскую боль’. *Иче-пабаның сагыссыразын пала, улуг өссе, ле пiлiп алча* (Хч, 32) ‘Беспокойство своих родителей ребенок осознает только тогда, когда вырастает’;

6) абстрактная лексика. Словами этой группы управляют глаголы: *тиңнестiр-* ‘сравнивать’, *пөк-* ‘решать’, *үгрен-* ‘учить что-л.’, *паала-* ‘оценивать, ценить’, *пiл-* в ЛСВ ‘знать’ и ‘признавать’, *iкiнчiле-* ‘сомневаться’. Примеры: *Ам пу көзидiмнернi тиңнестiрiңер, пу агырыгларның салтарларынаңар поэзыңар сагыныңар* (Хч, с. 6) ‘А сейчас сравните эти примеры, [и] о последствиях этих болезней думайте сами’. *Андаг оой сурыгны хайди амга теере пөк полбинчазың?!* [из разговорной речи]

‘Как ты до сих пор не можешь решить такое легкое задание?!’ *Илбек орыс поэзиязын Пушкин чохта пилбинчем* (Хч, с. 9) ‘Великую русскую поэзию я не признаю без Пушкина’.

Ментальные глаголы, управляя объектом в форме вин. п., «обрисовывают тот фрагмент мышления (сознания) представителя определенного народа, доминирование которого с необходимостью ведет к появлению в языке форм, выражающих значение очевидности» [Каксин, 2014, с. 144]. Однако, не все ментальные глаголы могут управлять объектом в вин. п. Логически не соотносятся с прямым объектом глаголы со значением мнения: *сана-* ‘считать’, *сагын-* в ЛСВ ‘считать’, *көр-* в ЛСВ ‘считать, полагать’.

Объект в вин. п. в конструкциях с глаголами говорения

Под глаголами говорения мы понимаем глаголы, обозначающие речевой процесс во всех его проявлениях: владение речью, констатацию и характеристику произношения, выражение мысли, оценки, эмоции, обмена мнениями с учетом его внешних и содержательных характеристик. Объединяет их в одну ЛСГ наличие в их значениях общей категориально-лексической семы «пользоваться устной речью».

Винительный падеж объекта употребляется в конструкциях с глаголами говорения для выражения содержания речи. Но при сочетании глаголов говорения с вин.п. не прослеживается значение того явного давления на объект, о котором говорит А. А. Коклянова [1963, с. 45]. Это объясняется тем, что глаголы говорения обозначают не конкретные физические действия, а процесс, акт, воспроизводимый при помощи речевых способностей и воспринимаемый слухом. Здесь невозможно явное обладание объектом, эти отношения принимают скрытый характер. Принято считать, что вин. п. объекта при глаголах говорения выражает значение сущности высказывания. На хакасском материале выделяются четыре семантических типа имен в вин. п., сочетающихся с глаголами говорения:

а) имена существительные со значением определенной формы высказывания – это существительные с абстрактным значением, связанным с речью: *чоох* ‘рассказ’, *сөс* ‘слово’, *чахыг* ‘наказ’, *чөп* ‘совет’, *хабар* ‘новость’, *тылаас* ‘новость, событие, ЧП’, *нымах* ‘сказка’, *кип-чоох* ‘легенда’, *ат* ‘имя’, *чолабит* ‘привет’;

б) имена существительные со значением внутреннего эмоционального переживания или мышления типа *көдөнүс*, *хыныс* ‘любовь’; *хомзыныс*, *пичел* ‘печаль, грусть’; *өрініс* ‘радость’, *сагыс* ‘мысль’, *чазыт сагыс* ‘тайна’ и т.д., использующиеся обычно с аффиксом принадлежности: *өрінізін чоохта-* ‘рассказывать про свою радость’; *көдөнүзін искір-* ‘говорить о своей любви’ и т.д.;

в) имена существительные, обозначающие деятельность человека, типа *кирек* ‘дело’, *чорых* ‘путешествие’ и т.д.;

г) местоимения *нине* ‘что’, *нине-де* ‘что-то’.

Перечисленными типами имен управляют следующие глаголы говорения:

1) глаголы говорения, составляющие ядро ЛСГ: *чоохта-* ‘сказать, рассказывать’; *ти-* ‘1) сказать; 2) называть’; *хабарла-* ‘рассказывать’, *сөле-* ‘сказать, рассказывать’; *айт-* ‘сказать, рассказывать’; *искір-* ‘сообщать, сказать, рассказывать’;

2) глаголы со значением вопроса: *сур-* в ЛСВ ‘заявлять о своем желании видеть кого-л., спрашивать кого-л.’; *сурагла-* ‘расспрашивать’, *сурастыр-* ‘выспрашивать, расспрашивать’; *түйтестір-* ‘выспрашивать, допытывать’. Последние три глагола, объединенные по общему значению «задавать много вопросов», часто предполагают объект с обобщенным значением типа *прай нине* ‘обо всем’; *аны-мыны* ‘о том, о сем’; *көп нине* ‘много чего’;

3) глаголы со значением просьбы, требования чего-л.: *сур-* в ЛСВ ‘спрашивать что-л., обычно вещественное’; *кіле-* / *тіле-* ‘просить’, *тілен-* ‘попрошайничать’, *хыс-* ‘настойчиво просить у кого что-л., требовать’;

4) глаголы *салыстыр-* ‘говорить вздор, болтать’; *чарла-* ‘объявлять, сказать, рассказывать’; *найна-* ‘обвинять, пенять, подозревать’; *сурыс-* ‘спрашивать друг друга’; *төлкеле-* ‘гадать, предсказывать’; *үзүр-* ‘обсуждать’. С глаголом *үзүр-* часто сочетается существительное *сурыг* ‘вопрос’: *Ол сурыгны парткомда үзүрөбіс* (Сс, с. 151) ‘Этот вопрос будем обсуждать в парткоме’. С позицией содержания речи, выраженной именем в вин. п., сочетаются стилистически нейтральные глаголы говорения. Возможность их сочетания с именем в вин. п. допускается из-за особенностей их семантики. Имя в вин. п. не раскрывает, а только называет то, о чем идет речь.

В форме вин. п. при глаголах говорения часто выступают местоимения *нине* ‘что’ и *нине-де* ‘что-то’, если важно подчеркнуть сам факт речи, а не ее содержание. На наш взгляд, под местоимением *нине* часто подразумевается развернутая информация; под ним «скрывается» какая-то информа-

ция, на которую указывается, но сама она не раскрывается, хотя и выявляется из широкого контекста: *Ниме ле ол агаа сөлебеен* (из разговорной речи) ‘Чего только он ей не обещал’.

Местоимение **ниме** часто выступает в сочетании с определенными элементами, что не позволяет переводить его дословно. Например, *пир дее ниме* ‘ничего; хай *пирее ниме* ‘что-то или кое-что’; *пилген ниме* ‘то, что знает’; *пир ниме* ‘одна вещь, кое-что или ничего’; *сөлечең ниме* ‘то, что нужно рассказать’; *пирее ниме* ‘что-нибудь’; *ноо-да ниме* ‘что-то’ и т.д. Такое разнообразие сочетаний и вытекающих из них значений говорит о способности местоимения **ниме** ‘что’ функционировать в разных ипостасях. В вопросительных предложениях **ниме** переводится как «что»: *Паза ниме хосчаң ну чоохха?* (Хч, с. 52) ‘Что еще добавить к этому рассказу?’ *Хайдаг ниме салыстыр парирзың?* (16: 5) ‘Что болтаешь?’

Местоимение **ниме-де** ‘что-то’ сочетается с любым переходным глаголом со значением сообщения: **ниме-де чоохта** ‘что-то сказать, рассказать’; **ниме-де сөле** ‘что-то рассказать’; **ниме-де молча** ‘что-то обещать’; **ниме-де хабарла** ‘что-то рассказывать’ и т.д. Но в нашем материале преобладает сочетание местоимения **ниме-де** с глаголами, обозначающими внешнюю характеристику речи, а именно, с такими ее признаками:

а) «тихо»: **сыбыхта-**, **сыбыра-** ‘шептать’. Нередко они сочетаются с существительным **хулах** ‘ухо’ в дат. п. (шепнуть на ухо): *Кір килбинең, ол кыймзер настырча, аның хулаана ниме-де сыбыхтапча* (Птн, с. 3) ‘Войдя, он сразу идет к моей тете, шепчет ей что-то на ухо’;

б) «невнятно»: **пулбыран-** ‘бормотать’, **кйбиктен-** ‘тихо говорить про себя’, **кйбирен-** ‘тихо говорить, ворчать про себя’; **чүлчүре-** ‘сюсюкать, лопотать’.

Местоимение **ниме-де** ‘что-то’, в отличие от **ниме** ‘что’, а) не сочетается с какими-л. компонентами, которые бы меняли его семантику. Здесь только глагол принимает на себя сочетаемостную нагрузку: **ниме-де өрчлiг сыбыхтаан** ‘[он] что-то весело шептал’; **ниме-де тарынчах кйбиренген** ‘[он] что-то сердито ворчал’ и т.д.; б) будучи по природе неопределенным местоимением, оно не принимает ни аффикса принадлежности, ни аффикса вин.п., который присоединяется только к определенному объекту; в) не употребляется в вопросительных предложениях.

Сближает эти местоимения следующее: а) они синонимичны в некоторых контекстах, где местоимение **ниме** сочетается с определенными компонентами: *Суг хазынзар килерзиң, хай пирее ниме (ниме-де) чоохтим* (Птн, с. 59) ‘Придешь к речке, расскажу кое-что (букв. что-то)’. *Ол поэзының алынча ноо-да ниме (ниме-де) пулбыранча* (Из разговорной речи) ‘Он что-то бормочет про себя’. В конструкциях с глаголами говорения, обозначающих внешнюю характеристику речи, **ниме-де** взаимозаменяется только с **ноо-да ниме**, остальные семантически не подходят; б) из числа всякого рода местоимений только эти местоимения сочетаются с глаголом в вин.п., что также говорит об их близости; в) как и **ниме**, **ниме-де** иногда имплицитно выражает развернутую информацию: *Мин сагаа ниме-де сөлим* (Из разговорной речи) ‘Я тебе что-то скажу’.

Объект в вин. п. в конструкциях с глаголами восприятия

Глаголы восприятия отражают познаваемый человеком (и закрепленный в словах) процесс восприятия окружающего мира (во всем его многообразии). Они объединяются в ЛСГ общностью категориально-лексической семы «воспринимать окружающий мир определенным органом (зрением, слухом, обонянием)». Однако, в отличие от других глаголов антропоцентричной сферы, глаголы восприятия обозначают такие процессы, которые присущи не только человеку, но и другим живым существам, то есть функции восприятия свойственны всем живым существам. В нашей статье мы рассматриваем лишь те процессы, которые присущи только человеку.

Объект восприятия – это фрагмент картины мира, включающий в себя, помимо самого предмета восприятия, его пространственно-временное определение, характеристики формы, цвета и т.д. В роли объекта перцептивных глаголов в предложениях обычно выступает существительное или субстантивированное причастие в форме вин.п. Существительные обозначают статичные предметы, лица, явления, натурфакты и т.д.: *Ах тасхылны ибiрiп, аарлыг тастар көргеннер* (Аух, с. 83) ‘Обойдя белый тасхыл, [они] увидели драгоценный камень’. *Пос адын чоо иреелеп, полыс чир дее көрбечең* (Аух, 46) ‘[Он] только мучил свою лошадь, но ни от кого не получал (букв. не видел) помощи’. *Пу хабарны, үрүгiп, парчан чон искен* (Кх, с. 59) ‘Народ со страхом слушал эту новость’. *Стенедегі сомнарны, лозунгтарны көргелем* (Из разговорной речи) ‘[Я] рассматривала фотографии и лозунги на стене’. Субстантивированное причастие сохраняет грамматические признаки прямого объекта и обозначает ситуацию, в которой участвуют предметы, лица или явления, динамику предметов, лиц и явлений: *Контролерлар милиционерлернең хада париганнарын көр салып, пайагы ипчи уламох салчып сыхты* (Сс, с. 56) ‘Увидев, что контролеры идут с милиционерами, эта женщина стала браниться еще силь-

нее'. Объекты восприятия позволяют реконструировать те фрагменты мира, которые актуальны для субъекта.

В качестве объекта при глаголах зрительного, слухового восприятия могут выступать наименования лица, содержания действия и события, состояния или какой-либо субстанции. При тактильных глаголах объектом могут быть названия материальной сущности, то, что можно потрогать руками, пощупать. Однако выражение процессов вкусового, тактильного и обонятельного восприятия имеет свою специфику. Глагол *көр-* в качестве вспомогательного глагола обозначает действие, совершаемое для пробы чего-нибудь: *нас көр-* 'пробовать писать', *нар көр-* 'попробовать сходить', *тогын көр-* 'пробовать поработать' и т.д. В сочетании с глаголами вкусового восприятия данный глагол передает значение «пробовать на вкус». Объектом вкусового восприятия, как правило, являются существительные или местоимения, обозначающие продукты питания: *Пу сүтті прайзы махтапча, амзап көрдек* (Из разговорной речи) 'Все хвалят это молоко, попробуй-ка'.

Все перцептивные глаголы распространяются объектом в форме вин. п., за исключением глаголов осязания, общая модель которых «субъект + объект в форме дат. п. + глагол»: – *Теңме паза минің мылтыгыма! – хысхырған Микей* (По, с. 38) 'Не прикасайся больше к моему ружью! – кричал Микей'. В конструкциях с глаголами *чыстан-* 'вонять, пахнуть, издавать запах' и *тады-* 'иметь какой-л. вкус' объект выражается формой неопределенного падежа. В предложениях с глаголом обоняния часто сочетаются наречия с семантикой оценки, меры и степени (*чабал чыстанча* 'плохо пахнет, *тадылыг чыстанча* 'вкусно пахнет', *хайдадар чыстанча* 'сильно пахнет', *хомай тадыпча* 'имеет плохой вкус', *көмес ле тадыпча* 'имеет незначительный вкус чего-л.' и т.д.).

Из глаголов психической деятельности в хакасском языке объектом в форме вин. п. управляют глаголы говорения, мышления и восприятия. Глаголы со значением поведения безобъектны, поскольку в их семантике уже присутствуют характеристика или свойство субъекта. Глаголы эмоции указывают на позицию объекта (или причину / стимул) эмоционального переживания различными средствами, в качестве прямого объекта выступает имя или придаточное предложение с основной лексемой в форме дат. п.

Как показал анализ объектной сочетаемости глаголов говорения, мышления и восприятия, наиболее активной и распространенной формой ее выражения является объект в форме вин. п. Поскольку данные глаголы репрезентируют различные виды деятельности человека, управляемые ими объекты в форме вин. п. также имеют различные семантические характеристики. В форме объекта в вин. п. при ментальных глаголах выступают шесть типов имен: имена существительные, выражающие имя действия, какую-либо деятельность человека; имена существительные со значением определенной формы высказывания; имена с семантикой одушевленного объекта; имена, обозначающие предметы интеллектуального пользования; имена, выражающие состояние живых существ (психологическое, физиологическое); абстрактная лексика. Объект в вин. п. при ментальных глаголах обозначает явное обладание субъекта объектом, то есть субъект является автором, производителем объекта мысли. В конструкциях с глаголами говорения вин. п. объекта выражает значение сущности высказывания, представленной четырьмя семантическими типами имен: имена существительные со значением определенной формы высказывания; имена существительные со значением внутреннего эмоционального переживания или мышления; имена существительные, обозначающие деятельность человека; местоимения *нине* 'что', *нине-де* 'что-то'. В отличие от глаголов мышления и говорения при глаголах со значением восприятия в роли объекта в форме вин. п. могут выступать любые имена и субстантивированные причастия, которые актуальны для субъекта в определенные моменты времени.

Список литературы

Богородицкий В. А. Введение в татарское языкознание и связи с другими тюркскими языками. Изд. 2-е, испр. и доп. Казань: Татгосиздат. 1953. 220 с.

Боргояков М. И. Развитие падежных форм и их значений в хакасском языке. Абакан: Хакасское отделение Красноярского книжного изд-ва. 1976. 159 с.

Каксин А. Д. Осознание и отражение в языке очевидности и понятности окружающего мира (на примере разноструктурных языков) // Вестник Челябинского государственного университета. Вып. 88. 2014. № 6 (335). Филология. Искусствоведение. С. 143–146.

Коклянова А. А. Категория времени в современном узбекском языке. М.: Изд-во АН СССР. 1963. 124 с.

Ондар Ч. Г. Падежная маркировка рематизированного прямого объекта в тувинском языке // Сибирский филологический журнал. Лингвистика. Вып. 3. 2013. С. 221–226.

Тыбыкова А. Т. Безаффиксальная форма имени существительного в роли прямого дополнения в алтайском языке // Морфология тюркских языков Сибири. Новосибирск: ИИФиФ СО АН СССР, 1985. С. 75–86.

Черемисина М. И., Соловар В. Н. Залоговость, переходность, прямой объект в языках разных систем // Языки народов Сибири. Грамматические исследования. Новосибирск: Наука. 1991. С. 66–84.

Черемисина М. И., Озонова А. А., Тазранова А. Р. Элементарное простое предложение с глагольным сказуемым в тюркских языках Южной Сибири. Новосибирск: Изд-во «Любава». 2008. 205 с.

Список текстовых источников

Аух – Чарков С. Ах Ыўс хазында. Чоохтар. Абакан: Хакасское книжное изд-во, 1994. 176 с.

Ит – Иртенгі тан. Абакан: Хакасское отделение Красноярского книжного изд-ва, 1986. 120 с.

Кх – Нербышев К. Көгім хорымнарда. Роман. Абакан: Хакасское отделение Красноярского книжного изд-ва, 1983. 243 с.

Кч – Чебодаев М. И. Күргенниг чазы. Абакан: Хакасское книжное изд-во, 1967. 70 с.

По – Писательлер – олғаннарға. Көглер, чоохтар, нымахтар. Абакан: Хакасское отделение Красноярского книжного изд-ва, 1988. 278 с.

Птн – Бурнаков Ф. Пора тай нанчым. Абакан: Хакасское отделение Красноярского книжного изд-ва, 1987. 128 с.

Сс – Шулбаева В. Сарналбаан сарын. Пьесалар, чоохтар. Абакан: Хакас книга издательствозы, 1987. 158 с.

Хч – Кобяков В., Топанов А. Хызыл чазы. Абакан: Хакасское отделение Красноярского книжного изд-ва, 1982. 86 с.

Хчк – Хакас чиринің кизілері. Очерктер. Абакан: Хакасское отделение Красноярского книжного изд-ва, 1985. 138 с.

M. D. Chertykova

*Institute of Humanities and Sayan-Altai Turkology, Abakan, The Republic of Khakassia, Russian Federation;
chertykova@yandex.ru*

Expression of a direct object a form of an accusative case at verbs of mental activity in the Khakass language

The Article is devoted to close analysis of the expression object in the form of distinct accusative verbs of mental activity in the Khakass language: verbs of thinking, speaking and comprehension. The object of these verbs is indicated by regular or irregular accusative case, depending on the certainty-uncertainty expressed object. A common form of expression of the direct object is also a clause in which the primary token, taking affix wines.p. is substantive verbande communion. If you the questions connected with the origin and representation of the direct object in Turkic languages, has been discussed by scholars, the study in view of a combination with certain semantic groups of Khakass verbs is performed for the first time. Since verbs of speaking, thinking and perception represent different types of human activity, the managed objects in the form of wines.p. also have different semantic features. The author identifies the main semantic types of names appearing in the role of the object, while the indicated category of verbs that govern certain types of object in the form of wines.p. As key evidence management verbs these or other types of names, all our claims are supported by evidence.

Key terms: khakass language, verbs of speaking, mental verbs, verbs of perception, The object in the form of the accusative case, compatibility, design.

References

Bogoroditskiy V.A. *Vvedenie v tatarskoe yazykoznanie i svyazi s drugimi tyurkskimi yazykami* [Introduction to the Tatar linguistics and communications with other Turkic languages]. Izd. 2-e, ispr. i dop. Kazan': Tatgosizdat, 1953, 220 p.

Borgoyakov M.I. *Razvitie padezhnykh form i ikh znacheniy v khakasskom yazyke* [Development of case forms and their senses in the Khakass language]. Abakan: Khakasskoe otdelenie Krasnoyarskogo knizhnogo izd-va. 1976. 159 p.

Cheremisina M.I., Ozonova A.A., Tazranova A.R. *Elementarnoe prostoe predlozhenie s glagol'nym skazuemym v tyurkskikh yazykakh Yuzhnoy Sibiri* [Elementary simple sentence with a verbal predicate in Turkic languages of Southern Siberia]. Novosibirsk: Izd-vo «Lyubava», 2008, 205 p.

Cheremisina M.I., Solovar V.N. Zalogovost', perekhodnost', pryamoy ob"ekt v yazykakh raznykh sistem [Mortgage value, transitivity, direct object in languages of different systems]. *Yazyki narodov Sibiri. Grammaticheskie issledovaniya*. Novosibirsk: Nauka, 1991, pp. 66-84.

Kaksin A.D. Osoznanie i otrazhenie v yazyke ochevidnosti i ponyatnosti okruzhayushchego mira (na primere raznostrukturnykh yazykov) [Understanding and reflection in language of evidence and clearness of world around (on the example of languages of different structure)]. In: *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. Iskusstvovedenie*. 2014, iss. 88, no. 6 (335), pp. 143–146.

Koklyanova A.A. *Kategoriya vremeni v sovremennom uzbekskom yazyke* [Category of time in modern Uzbek]. Moscow: Izd-vo AN SSSR, 1963, 124 p.

Ondar Ch.G. Padezhnaya markirovka rematizirovannogo pryamogo ob"ekta v tuvinskom yazyke [Case marking of the direct object which is a rheme in the Tuva language]. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal. Lingvistika*. 2013, iss. 3, pp. 221–226.

Tybykova A.T. Bezaffikal'naya forma imeni sushchestvitel'nogo v roli pryamogo dopolneniya v altayskom yazyke [Form without noun affix as a direct object in the Altai language]. *Morfologiya tyurkskikh yazykov Sibiri*. Novosibirsk: IIFiF SO AN SSSR, 1985, pp. 75-86.